

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МУЗЕЙ-УСАДЬБА Л. Н. ТОЛСТОГО «ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

ТЕКСТ И ТРАДИЦИЯ

альманах

4

Санкт-Петербург
«Росток»
2016

УДК 82.161.1(051.4)
ББК 83.3(2РОС=РУС)6Я5
Т30

Издание осуществлено по инициативе Петра Авена

Редакционный совет альманаха «Текст и традиция»

Евгений Водолазкин (*Санкт-Петербург*) – главный редактор

Всеволод Багно (*Санкт-Петербург*) • Павел Басинский (*Москва*) •
Алексей Варламов (*Москва*) • Игорь Волгин (*Москва*) • Ренэ Герра (*Ницца*) •
Андрей Дмитриев (*Санкт-Петербург*) • Оливер Реди (*Оксфорд*) •
Татьяна Руди (*Санкт-Петербург*) • Владимир Толстой (*Ясная Поляна* –
Москва) • Лиза Хейден (*Скарборо, США*) • Роберт Ходель (*Гамбург*) •
Елена Шубина (*Москва*) • Леонид Юзефович (*Санкт-Петербург*)

Т30

Текст и традиция: альманах, 4 / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)
Рос. Акад. наук, Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». –
Санкт-Петербург: Росток, 2016. – 447 с.
ISBN 978-594668-165-0

Альманах «Текст и традиция» издается Пушкинским Домом и Ясной Поляной, двумя известнейшими «литературными домами» России. Одной из важных его задач является рассмотрение современной русской литературы в контексте литературной традиции – классической и древней. В определенном смысле альманах соединяет в себе черты научного и литературного («толстого») журналов: в соответствующих разделах публикуются исследования академического типа и литературные эссе. Особое место в издании занимают диалоги участников литературного процесса на историко-культурные темы, а также публикация архивных материалов.

УДК 82.161.1(051.4)
ББК 83.3(2РОС=РУС)6Я5

ISBN 978-594668-203-9

- © Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2016
- © Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2016
- © Е. Г. Водолазкин, концепция, составление и редактирование, 2016
- © Коллектив авторов, 2016
- © ООО «Издательство „Росток“», 2016

Содержание

ACADEMIA

<i>Татьяна Руди (Санкт-Петербург)</i> «Живые мертвецы» древнерусских житий (из истории агиографической топики)	7
<i>Андрей Рангин (Москва)</i> «Слово о полку Игореве»: поиски контекста	19
<i>Людмила Луцевич (Варшава)</i> «Исповедь» Константина Леонтьева: текст и контекст	41
<i>Владимир Иванов (Берлин)</i> Семейная драма Бугаевых и ее отражение в творчестве Андрея Белого	59
<i>Габриэлла Импости (Болонья)</i> «Война в мышеловке» Велимира Хлебникова: Опыт прочтения	98
<i>Татьяна Двинятина (Санкт-Петербург — Бремен)</i> Две ноги позднего И. Бунина (еще раз о последних стихах)	114
<i>Алла Грачева (Санкт-Петербург)</i> «Творчество как сновидение» (по материалам «Дневника мыслей» Алексея Ремизова) ..	130

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Оробий (Благовещенск)
Матрица современности и новейший русский роман 145

Андрей Аствацатуров (Санкт-Петербург)
Человек и цивилизация
в тексте Генри Миллера «Нью-Йорк и обратно» 156

VOX SCRIPTORIS

Михаил Эпштейн (Атланта, США)
О целях поэзии 171

Людмила Сараскина (Москва)
Право на вольность, или События в театре Шекспира 176

Павел Нерлер (Москва)
«У чужих людей мне плохо спится...»:
Воронежские адреса Осипа Мандельштама 202

Михаил Кельмович (Санкт-Петербург)
Иосиф Бродский. Родственный взгляд 250

Владимир Березин (Москва)
Слово об интимной прозе 273

ИСТОРИЯ КНИГИ. ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Людмила Сараскина (Москва)
Достоевский как центр литературного притяжения 303

Сергей Носов (Санкт-Петербург)
На правах персонажа
(о романе «Дайте мне обезьяну») 318

Дмитрий Быков (Москва)
Орфография 329

Илья Бояшов (Петергоф)
Танкист, или «Белый тигр» 336

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей Аствацатуров (Санкт-Петербург)
Идеология и поэтика (о романе «Люди в голом») 339

Гузель Яхина (Москва)
Зулейха открывает глаза 343

АРХИВ

Александра Веселова (Санкт-Петербург)
«Лучший в архангелогородском посаде писец
в прозе и стихах»: А. И. Фомин и его сочинения 349

Майкл Вахтель (Принстон, США)
Переписка Вячеслава Иванова с Э. Р. Курциусом 386

Петр Мажара (Санкт-Петербург)
«Всё это преодоление отрыва от России...»: писатель Л. Ф. Зуров и сохранение исторической традиции в эмиграции 408

РЕЦЕНЗИИ

Владимир Ермаков (Орел)
Три книги для медленного чтения 425

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 440

Переписка Вячеслава Иванова с Э. Р. Курциусом¹

Для русского читателя имя Вячеслава Иванова не нуждается в комментариях. Поэтому мы сосредоточимся в этой небольшой преамбуле на его корреспонденте Эрнсте Роберте Курциусе (1886–1956) – выдающемся немецком ученом, чьи труды о европейской литературной традиции имели огромное влияние на развитие западной филологии. Многосторонний эрудит, Курциус происходил из «академической» семьи. Его дед (также Эрнст Курциус, но без второго имени Роберт), филолог-классик, в Берлинском университете был одним из профессоров молодого Вяч. Иванова.

Эрнст Роберт Курциус получил прекрасное образование, изучал языковедение, философию, французскую и английскую литературы. Исследователь писал о себе: «Мое счастье и моя пытка – многообразие моих интересов, причем каждый умственный интерес у меня подчас превращается в страсть».² Первые труды Курциуса касаются Франции 1919–1920 гг., но уже в 1929 г. появляется его книга о романе «Улисс» Дж. Джойса.³ В начале 1930-х гг. намечается новый «сдвиг»

¹ Первую публикацию переписки (на немецком языке) см.: *Wachtel M.* Die Korrespondenz zwischen E. R. Curtius und V. I. Ivanov // *Die Welt der Slaven*. 1992. Bd. XVI. S. 72–96. Подробно об отношениях Курциуса и Иванова см.: *Wachtel M.* Vjačeslav Ivanov als ‘missing link’ in Ernst Robert Curtius’ Kulturphilosophie // *Die Welt der Slaven*. 1992. Bd. XVI. S. 97–106.

² *Ernst Robert Curtius.* Briefe aus einem halben Jahrhundert: Eine Auswahl / Hrsg. von Frank-Rutger Hausmann. Baden-Baden, 2015 (далее – *Curtius.* Briefe). S. 316 (здесь и далее перевод мой. – М. В.).

³ *Curtius E. R.* James Joyce und sein Ulysses. Zürich, 1929.

в его работах, когда нарастающий хаос жизни в его стране заставляет ученого обратить внимание на политические и социальные основы современной Германии. Курциус пишет полемические статьи, разоблачающие «ненависть к культуре и самовольный отказ от образования».⁴

Работая над статьями, которые впоследствии составят книгу «Немецкий дух в опасности» (опубликованную в 1932 г., до гитлеровского переворота), Курциус ищет выход из запутанного и опасного положения. Именно в это время он читает только что вышедшую на французском языке переписку Вячеслава Иванова и Михаила Гершензона («Переписка из двух углов»). Трудно переоценить значение этого текста для Курциуса. В эпистолярном споре русских мыслителей Курциус признает Иванова победителем, находя в его словах подтверждение и развитие своих собственных взглядов. Он восхищается защитой мирового культурного достояния и мистической трактовкой памяти. У Иванова он находит для себя «недостающее звено», позволившее ему дописать свою книгу.⁵ В последней ее главе Курциус многократно цитирует слова Иванова из «Переписки» о культуре как инициативе. По его мнению, это — «главное, что сказано о гуманизме после Ницше».⁶ Если такая вера в гуманистическую традицию возможна и в советской России, заключает Курциус, должна быть надежда и для Германии.

От Шарля Дю Боса, редактора французского издания «Переписки из двух углов» и адресата известного письма Иванова о ней («Lettre à Charles Du Bos»),⁷ Курциус получает адрес Иванова и обращается к нему с письмом. С тех пор они переписываются, обмениваются трудами и лично встречаются во время поездок Курциуса в Рим — до тех пор, пока политические события не делают их общение невозможным. Курциус пишет небольшую статью для специального номера итальянского журнала «Convegno», посвященного творчеству Иванова, в которой он приветствует Иванова как члена некоего сверхнационального общества евро-

⁴ Curtius E. R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern, 1948. S. 9.

⁵ Выражение «недостающее звено» употребляет сам Курциус в письме к Дю Босу от 5 января 1932 г.; см.: *Herbert und Jane M. Dieckmann (Hg.) Deutsch-Französische Gespräche 1920–1950: La Correspondance de Ernst Robert Curtius avec André Gide, Charles Du Bos et Valéry Larbaud.* Frankfurt, 1950. S. 318.

⁶ Curtius E. R. Deutscher Geist in Gefahr. Stuttgart, 1932. S. 116.

⁷ О Дю Босе и письме Вяч. Иванова к нему см.: Вячеслав Иванов: Архивные материалы и исследования / Отв. ред. Л. А. Гоготишвили, А. Т. Казарян. М., 1999. С. 81–92.

пейских мыслителей, стоящих выше политики и понимающих друг друга без малейшего труда.

Годы войны были для Курциуса тяжелы. С самого начала Курциус отрицает фашистскую программу. Уже 3 декабря 1933 г. он пишет французскому другу (из нейтрального Люксембурга, поэтому без боязни цензуры): «Нацистская революция для меня, конечно, отвратительна. Она означает отмену всех форм личной свободы, вызов культуре, гуманизму, всему, что для меня составляет смысл жизни».⁸ В фашистской Германии Курциус принимает минимальное участие в культурной жизни. Нацисты резко критикуют его книгу «Угроза немецкому духу», и он перестает писать о современной культуре. Поскольку Курциус активно ничего не предпринимает против власти, ему не запрещают преподавать и печататься, но он постепенно перестает читать курсы лекций, печатается очень немного и занимается совершенно «неактуальными» темами. В центре его внимания — Средневековье, но не в узком националистическом духе фашистской трактовки, а в широком культурно-историческом плане. Согласно концепции Курциуса, вся европейская литература — одно духовное братство. Доказательство своей концепции он находит в повторяющихся тематических топосах, встречающихся у самых разных поэтов, в разных языках и странах. Ряд очерков того времени составляет основу огромного труда Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье», увидевшего свет после войны и быстро ставшего настольной книгой западных филологов. Книга, как пишет сам Курциус, была задумана не как научное исследование, а как вклад в сохранение европейской культуры в целом.⁹ Примечательно, что в методологической части книги упоминается имя Вяч. Иванова и его внеисторическая концепция памяти.¹⁰

После войны, узнав, что Иванов жив, Курциус возобновил переписку. В эти годы он стал одним из немногих немецких ученых, которые были признаны за пределами Германии. Курциус получил почетные докторские степени в университетах Глазго и Парижа (Сорбонна). В 1949 г. он совершил поездку в первый и единственный раз в Америку, куда был приглашен на семестр в Институт передовых исследований (Institute of Advanced Study) в Принстоне. Умер Курциус, как и Вяч. Иванов, в Риме.

Переписка Курциуса с Ивановым — памятник европейской культуры XX века, попытка двух гениальных умов найти друг в друге опору в эпоху культурного распада.

⁸ *Curtius*. Briefe. S. 288.

⁹ См. предисловие к английскому изданию: *Curtius E. R. European Literature and the Latin Middle Ages*. Princeton, 1953. P. VIII.

¹⁰ *Curtius E. R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*. S. 399–400.

Эрнст Роберт Курциус — Вячеслав Иванов¹¹

1. Э. Р. Курциус — В. И. Иванову

26 февраля 1932, Бонн

Бонн

Глубокоуважаемый господин Иванов!

С большим опозданием, борясь с переутомлением и болезнью, я собрался поблагодарить Вас за изобильные дары. То, что я писал Дю Босу, было лишь чтением по слогам начинающего.¹

С тех пор мне кажется, что я понял Вас несколько лучше. Книга «Угроза немецкому духу»² теперь, наверное, в Ваших руках — она свидетель тому. Диалог Ваш с Гершензоном стал для меня чем-то большим, нежели точкой кристаллизации моих мыслей, — он вошел у меня в самую субстанцию моих глубочайших верований. Он стал для меня словом разрешающим и отпирающим — я ждал его, не ведая о том. (Вашей книги «Кручи»³ мой книгопродавец, к сожалению, не сумел раздобыть.) Я обязан Вам в подлинном смысле *посвящением*. Мало людей, кому можно сказать такие слова. Я буду счастлив, если моя книжечка поможет передать Вашу глубокую мудрость другим.

Вашего «Достоевского»⁴ я получил с великой радостью. Эта книга будет сопровождать меня на каникулах.

За это время я прочитал «Русскую идею».⁵ Это сочинение задело и всколыхнуло во мне столь многое, что сегодня я еще едва ли могу говорить об этом. Конечно, и раньше я находил у Мережковского много интересного о Тютчеве, Чаадаеве и других. Однако Вы ведете глубже. Мне придется потратить немалое время на то, чтобы проникнуть в русскую литературу. Но разве Россия эта сейчас жива где-либо, помимо рассеянных по свету эмигрантских кружков? Мирский недавно объявил о своем обращении в большевизм.⁶ Как относитесь Вы к Бердяеву? К Булгакову? Откуда взяты слова: «*Vis ejus integra si versa fuerit interram*»⁷ Тысяча вопросов встает во мне. Надеюсь, что мне снова можно будет написать Вам.

В благодарном восхищении
Ваш Э. Р. Курциус

¹¹ Пер. с нем. Ал. В. Михайлова.

2. В. И. Иванов — Э. Р. Курциусу

27/28 февраля 1932, Павия

Глубокоуважаемый господин профессор,

Позвольте глубоко поблагодарить Вас за прекрасный ответный дар — Вашу великодушную, мусически вдохновенную, мудрую книгу... или же мой «Достоевский» (с сопроводительным письмом) и Ваша «Угроза немецкому духу» в дороге пересеклись?.. Совершенно неожиданно для себя — как это поразительно! — я, не спеша наслаждаясь раздумчивым и по преимуществу восхищенно всё одобряющим чтением, обнаружил такую заключительную главу, которая с самого начала обещала *aureus ramus*,⁸ высокозначительный и проницательный анализ моих рискованных размышлений об инициации и инициативе как внутренних движущих сил культуры. Я с энтузиазмом прочитал эти страницы — обетование исполнилось с преизбытком; «*primo avulso non deficit alter aureus; et simili frondescit virga metallo...*».⁹ Как прекрасно, как прозорливо истинно Ваше замечание: «Вероятно, надо быть русским христианином, стало быть, наследником Византии, чтобы внести в гуманизм идею античных мистерий, посвящений».¹⁰ А как радует меня Ваше согласие относительно необходимости трансцендентного обоснования культуры!

Ваше широкое постижение гуманизма снимает узы и служит мне порядочным утешением: я думал уже, что придется пожертвовать им во имя христианства, мистики вообще (в том числе и орфической!), — если только определять его по-школьному. Так я писал в своей давно распроданной и позабытой книжечке «Кручи. О кризисе гуманизма» (Берлин, 1921): «Гуманизм всецело основан на изживании индивидуации, отъединенности и отрешенности людей, на их взаимной потусторонности и непроницаемости друг для друга, на автаркии гармонического человека. Эта внутренняя форма сознания пережила сама себя. — Героический гуманизм умер. Словно в сказаниях Гомера, мы боремся за тело героя, уже бездыханное, с тем чтобы одичавшие орды бесноватых не отняли его у нас, не осквернили его, с тем чтобы на нашу долю выпало умастить и оплакать, и предать его земле, славя его на грядущих тризнах. Впрочем, я говорю лишь о том гуманизме, что смертен, не о душе эллинства, душе бессмертной. И не напрасно еще столь недавно являлась она нам в сновидении избавленной от своей формы — достойной, но преходящей и брэнной: в облике Диониса являлась она вдохновенному Ницше, этому последнему трагическому гуманисту, укротившему в себе гуманизм хитроумным безумием и самоубийственным экстазом, словно Аякс, что в безумии поднимает руку на себя; Ницше с презрением отвергал человеческую норму — человеческое, слишком человеческое — и провозгла-

шал сверхчеловека. Ибо Дионис противоборствует гуманизму и натравливает на него своих менад, словно на Пенфея...».¹¹

1 марта

До этого места я дописал вчера, когда пришло Ваше милое письмо, и радости моей не было конца. Я счастлив узнать, что в моих словах Вы слышали нечто родственное Вам по самой сути, а потому и желанное. Обладая даром прозрения, Вы говорите уже и о моих «Кручах», об этом маленьком эссе, где мысль выражается еще не вполне уверенно, — его я только что цитировал. Мне, быть может, удастся доставить его Вам. По-сылаю Вам также вышедшую в прошлом году статью об историософии Вергилия.¹²

Откуда взяты слова «vis eius integra si versa fuerit in terram», я и сам не знаю; так озаглавлено стихотворение Владимира Соловьева, о влиянии которого на мое духовное становление, об истинно посвящающем в таинства, я говорю в письме Дю Босу. Чтобы ответить на Ваши дальнейшие вопросы, скажу, что, хотя Булгаков и Бердяев являются самыми дорогими моими друзьями, я всё же отрицательно отношусь к их идеологиям. Булгаков ценил во мне «благочестивого язычника», «елевсинца», но считал меня «посредственным христианином»: теперь же он весьма разгневан моим отпадением от восточной схизмы, однако утешает себя тем, что я вовсе не призван судить о делах христианских.¹³ Головоломный гностицизм Бердяева, его сверхправославие, опирающееся главным образом на Якова Беме и желающее быть чем-то подобным «Evangelium Aeternum»¹⁴ Третьего царства, равно как его взгляды на русский народный дух, Достоевского и т. д., обладают свойством раздражать меня — сколь бы ни ценил я его духовное благородство. Обращение князя Святополка Мирского в большевизм — последовательно: как самосознание атеиста и к тому же одного из главных герольдов новоиспеченной «евразийской» доктрины, которая в полнейшем согласии с основной тенденцией большевиков стремится породнить Россию с монголами и китайцами, чтобы раз и навсегда вырвать ее из христианского мира. Понимание России как части азиатского мира — ложно до основания. Влияние монголов на Россию в Средние века было не глубже, чем влияние арабов на Испанию. Но Россия — это до самых глубоких слоев языка и мыслительных форм Византия; а Византия с самого начала (благодаря эллинизму) была евразийской в хорошем смысле — и всё более становилась таковой в дальнейшем своем развитии, что уже ложится весьма неблагоприятным бременем на наше историческое наследие. Европейская же культура, которую я имею смелость именовать христианским миром, — это еще с доэллинистических времен Восток и Запад. И Россия непременно останется именно *европейским* Востоком; ибо оба начала оплодотворяют друг

друга и должны составлять органическое единство. Протестантизм — это внутренняя диалектическая антитеза на Западе, а разноликость Востока и Запада в более широкой сфере всей совокупной европейской культуры — она и есть для меня христианский мир — не должна перерождаться в принципиальный раскол. И всё, что есть творческого в России, подтверждает, мне кажется, эту здоровую — гуманистическую и христианскую одновременно — ориентацию на Восток, это утверждение Востока.

Наши письменные беседы благотворно действуют на меня, однако я боюсь, что уже утомил Вас своим многословием.

С наилучшими приветами
Ваш сердечно благодарный и преданный
Вяч. Иванов

3. Э. Р. Курциус — В. И. Иванову

26 мая 1932, Баден-Баден

Глубокоуважаемый господин Иванов!

С тех пор, как я последний раз писал Вам — с острова Капри, — я прочел цикл лекций в Испании, после этого заболел и теперь должен лечиться здесь и не утомляться. Сегодня же мне хотелось бы поблагодарить Вас за посланные книги, я еще буду много с ними работать. В качестве маленького ответного дара примите прилагаемую статью¹⁵ — она далека от каких-либо претензий. Позднее я напишу Вам более обстоятельно.

С искренним почтением
благодарно преданный Вам
Э. Р. Курциус

4. Э. Р. Курциус — В. И. Иванову

24 июля 1933, Бонн

Посланное Вами итальянское издание «Переписки»¹⁶ я получил с радостью, смешанной с грустью. Со времени Вашего последнего письма произошло много событий. Всё лето и осень 1932 года я проболел — душевный паралич вследствие глубокой депрессии. С тех пор я могу снова работать, но не творчески. В двух последних семестрах я изучал со своими студентами средневековую латинскую литературу. С тех пор многое переменилось в Германии.¹⁷ То, что я писал в 1932 году, уже осталось в прошлом — на долгое, долгое время. И всё же я готов верить в Мнемосину, в непреходящие *посвящения*, в идею тезауруса. И более, чем ког-

да-либо, я исполнен глубокой благодарности за встречу с Вашими писаниями. Для меня это надежда, утешение, опора. Среди всего слишком преходящего Ваши книги напоминают мне о вечной Славе, даже если и является нам она как эсхатологическое видение.

С сердечным восхищением и глубоким уважением
Ваш Эрнст Роберт Курциус

5. Э. Р. Курциус — В. И. Иванову

5 февраля 1934, Бонн

Глубокоуважаемый господин Иванов,

Д-р Пеллегрини любезно пригласил меня к участию в специальном номере «*Convegno*», посвященном Вам.¹⁸ С какой радостью я бы это сделал! Однако, как я знаю, печатать нужно спешно, а я не могу писать то-ропясь. Чтобы написать о Вас нечто достойное, идущее из глубины, мне нужна сосредоточенность, концентрация. Ибо всё творчество Ваше основано на погружение в мистерии. Чтобы иметь право обращаться к Вам, говорить о Вас, нужно войти в Ваши сферы. Как раз сейчас у меня нет возможности сосредоточиться, каждый день прибавляется работы в университете. Итак, я должен молчать. Вы, конечно, поймете это и по своей доброте извините меня.

Как раз сейчас читаю «*Storia dell'Umanesimo*» Тоффанина.¹⁹ Позвольте выписать оттуда слова, читая которые, я невольно подумал о Вас, и которые процитировал бы в своей статье, посвященной Вам: «*Sufficit enim ad amicitiae glutinum opinio famaue virtutis, quae potentissima ratio est, ut inter absentes et nunquam visos amicitiae vinculum oriatur*».²⁰

С искренним почтением и благодарностью
Ваш Эрнст Роберт Курциус

6. В. И. Иванов — Э. Р. Курциусу

12 февраля 1934, Павия

Глубокоуважаемый друг — могу ли так обратиться к Вам после того, как Вы в своем милом письме от 5 числа сего месяца применили к нам обоим прекрасное изречение гуманиста — об «*amicitiae vinculum virtutis inter absentes et nunquam visos*»?²¹ Только к содержащемуся в этих словах я хотел бы прибавить следующее: «*maxime cum naturalis quidam ingeniorum concentus consensusque inter disiunctos spatio, mente coniunctos intercedit*».²² Ибо в основе моего отношения к Вам лежит не только высокое восхищение, но и глубокое ощущение нашей духовной гармонии,

а также переживание благотворно укрепляющего воздействия, каковое оказывает на меня такое сознание. Среди тех, кто оказал мне честь рассмотреть и оценить мои искания с точки зрения гуманизма (как, например, проф. Зелинский, который как раз в своей статье в специальном номере «Convengo» говорит о призвании славянских народов к гуманизму нового типа, способного передать внутреннее познание мистического наследия античности, — или мои богословские друзья былых времен, которые с намеком на мистерии отчасти славили меня как *κἀτοχον ἔκ τῆς Γῆς*,²³ отчасти же посмеивались надо мною — «благочестивым язычником, но посредственным христианином»), никто не сумел разгадать и разъяснить²⁴ самое своеобразие и самую сущность этих исканий столь глубоко, столь ясновидчески, — а притом и в органической взаимосвязи с моим христианским строем души, не в противоположность ей, — как Вы, так что у меня на душе было так, словно Вы читаете в ней, а это ведь едва ли возможно, не будь известного избирательного родства душ. Мы вполне едины в наших взглядах на сущность гуманизма, на отграничение его от науки, на внутренние условия расцвета его в качестве творящей ценности силы, — скорее, надо было бы даже сказать: Ваше понимание — это единственная моя опора, отчего я и ссылаюсь именно на Вас в своей статье «Гуманизм и религия», с особым вниманием к религиозно-историческому наследию Виламовица, которая выйдет в свет в самое ближайшее время (вероятно, в апрельско-майском номере «Hochland»²⁵). По этим причинам (если только дозволено говорить о причинах воображаемых, ибо Ваша перегрузка, даже переутомление, несомненно переносит всё это в область мечтаний) была бы крайне ценна и действенна одна-единственная печатная страница, которую Вы опубликовали бы в «Convengo» (печать этого номера затягивается!), — далекая от всякого восхваления, она указывала бы на характерные черты общего для нас направления, без всякого более детального обоснования, потому что ведь Вы уже высказались об этом в другом месте и с достаточной определенностью. Мы же — Пеллегрини и я — порадовались бы этому столь дорогому и ценному подарку лишь при условии, что он не стоил бы Вам труда большего, чем тот, что требует написание простого письма *ad familiarem*²⁶ (иначе я не мыслю себе этот текст), уже Ваше предпоследнее письмо заставило опасаться за состояние Вашего здоровья... Я же необдуманно образом догадался ответить на него рекомендательным письмом, которое не дошло до Вас, потому что рекомендуемый мною молодой санскритолог из числа воспитанников Collegio Vogomeo не встретил Вас в Бонне²⁷ — Вы были в отпуске и в поездке — и не нашел способа доставить Вам это мое письмо. Позвольте вместе с пожеланиями полного благоденствия выразить Вам мою самую сердечную, самую нежную благодарность.

Ваш Вяч. Иванов

7. Э. Р. Курциус — В. И. Иванову

14 февраля 1934, Бонн

Глубокоуважаемый друг,

Я сердечно благодарю Вас за прекрасное и столь утешившее меня письмо. Я не подозревал, что Вы так сильно дорожите моим сотрудничеством. Если это так, то я сделаю свой вклад и через неделю пошлю Вам требуемую страницу (адрес доктора Пеллегрини, к сожалению, у меня затерялся). Разумеется, я не смог бы выразить, что хотелось сказать и что требовало бы сосредоточенности и времени для созревания. Мне трудно понять, что Вы — коренной русский, более того, славянин — всё же принимаете церковный примат Запада. Я еще напишу Вам об этом более обстоятельно.

От сердца благодарю Вас за то, что Вы сделали мне честь, назвав своим другом.

Уважительно Вам преданный
Э. Р. Курциус

8. В. И. Иванов — Э. Р. Курциусу

12 марта 1934 года

Павия

Высокочтимый друг,

Ваше милое письмо глубоко тронуло меня. Любезная готовность свершить то, на что я уже не смел надеяться, поскольку, очевидно, это казалось неосуществимым, для меня — новое редкое свидетельство нашей «amicitiae vinculum inter absentes et numquam visos». Однако мой собственный повседневный опыт учит меня, что и самого наилучшего желания недостаточно для того, чтобы устранить препятствия, какими оплетает нас жизнь, — «Ach! Zu des Geistes Flügeln wird so leicht kein körperlicher Flügel sich gesellen».²⁸ Меж тем набор журнала продвинулся уже настолько, что, если только у Вас есть уже abbozzo,²⁹ необходимо срочно отослать его д-ру Пеллегрини (piazza Castello, 11, Mailand), ибо через 6—8 дней набор будет закончен, а если Вы не написали свою «страничку» по-итальянски, то перевод его — всё равно, с немецкого или французского — потребует еще некоторого времени. Было бы просто трагично, если бы Ваш ценный текст пришел, а редакция — она и так в отчаянии, потому что последний номер за 1933 год всё еще не вышел, — не смогла воспользоваться им. Я запрещаю себе немедленно высказать Вам всё то, что сообщу Вам в самое ближайшее время, — ответ на Ваш вопрос относи-

тельно освобождения моего религиозного сознания от уз национальной традиции, — ведь Вы же читали мое письмо Дю Босу в «Vigile»; или же во французском издании «Correspondance d'un coin à l'autre», — потому что мое письмо срочное, и мне бы не хотелось, чтобы оно запоздало из-за пространных объяснений, какие вскорости последуют.

Позвольте еще раз выразить Вам глубочайшую благодарность и почтение.

Ваш Вяч. Иванов

9. Э. Р. Курциус — В. И. Иванову

15 марта 1934, Бонн

Спешно посылаю Вам спешно написанную рукопись. Одновременно она отправлена доктору Пеллегрини. Всё дальнейшее позднее.

Искреннейше Ваш

Э. Р. Курциус

Приложение

Э. Р. Курциус

Вячеслав Иванов

Читатель не найдет здесь то, что мне хотелось написать. А чего хотел я, что мне мерещилось? Погружение в духовный мир Иванова... Переживания, которые захватывают всецело и глубоко, не могут быть высказаны языком рассудка. Они даны нам как некое духовное постижение: только в медитации и в созерцании, как в чистом зеркале, может оно ясно отразиться. Медитация требует сосредоточенности, то есть внутреннего движения, выводящего нас из времени. И только вступая на такой путь, мы постигаем *come l'uom s'eterna*.³⁰

Внешние обстоятельства помешали мне отдаться полностью такого рода размышлениям. Я довольствуюсь лишь беглыми замечаниями и исходными соображениями. Всему, что создал Иванов, я бы предпослал слова: *Nolumus exproliari, sed supervestiri*.³¹ В свете такой эсхатологической надежды я и разумею воплощенное в Иванове взаимопроникновение христианства и гуманизма.

Речь идет не о «христианском гуманизме» в понимании Эразма или иезуитов. И не о политическом союзе классического порядка и тридентинской теологии. Гуманизм Иванова — это не внешнее соответствие некоему историческому прообразу, но анамнесис — пробуждение изначального ведения о посвящениях и мистериях отцов. Поэтому в самых отдаленных и чуждых явлениях он способен узнавать новоявленную ан-

тичность: в Достоевском — аттическую трагедию, в Гоголе — аристофанов хор.³²

Гуманизм последних столетий был обречен, потому что он забыл о *посвящении*. Правда, Ницше и Георге пытались обновить языческие посвящения. Но то были посвящения ложные — обманные Люциферовы образы.³³ В таких попытках мы не можем не видеть сегодня заблуждения. Иванов испытал подлинные посвящения и облек ими гуманизм. Его гуманизм — гностический или же софийный. Знание о посвящениях, о гностической мудрости прокладывает тропу между гуманизмом и христианством, между Библией и орфикой, это подземная тропа, выходящая из глубин истории и проходящая сквозь нее. Этот путь был завален землей, и объясняется это лишь тем, что само христианство из-за внешней традиции забыло о внутренней преемственности, о своем *intellectus spiritalis*,³⁴ о разуме духовном. Однако именно в нем, пусть и скрытая веками, заключается присущая *homo perfectus*³⁵ полнота и обетование всеобъемлющего наследия.

Согласно пророчеству Парацельса, как рассказывает Иванов, в 1900 году должна была начаться новая историческая эпоха³⁶ — эпоха, в которую господствует *adamantina proles*.³⁷ В такие эпохи катаклизмов появляется немало лжепророков. Но в сгущающейся грозовой тьме ярче вспыхивают разрывающиеся лучи света. У Иванова они пребывают в единении.

В своей новаторской книге «*Storia dell'umanesimo*» Джузеппе Тоффанин показывает гуманистов, объединенных духовным братством. Мы видим, как на наших глазах осуществляется *vinculum amoris*.³⁸

10. Э. Р. Курциус — В. И. Иванову

16 марта 1934, Бонн

Глубокоуважаемый друг!

Сейчас в Ваших руках окажется мой скромный *abbozzo*: Мне стыдно, что после столь долгих уговоров не могу предложить ничего лучшего. Подлинная причина моей медлительности заключалась в некотором параличе выражения мыслей и внутренних, психомеханических препятствиях, возникших частично, но лишь только частично, из-за внешнего окружения. К тому же не было никакой возможности как-то сосредоточиться. А какая это ответственность — говорить о гуманизме, и особенно о христианстве! Ваше письмо к Дю Босу я, разумеется, прочитал неоднократно, однако оно не всё мне прояснило. Но ведь не нужно желать понять всё.

Сейчас я готовлю доклад об итальянской литературе, и у меня — впервые в моей жизни — появилась возможность основательно позна-

комиться с итальянской духовной культурой (издавна я хорошо знал лишь Данте). Читаю Кроче, Де Санктиса, Сольми. Всё это пригодно, как мне кажется, лишь для местного употребления. А вот Тоффанин дает многое. У нас в Германии умозрительный идеализм уже давно пережит и считается устаревшим. Его вторичные и поздние итальянские пересказы не могут добавить ничего нового. Исключение я делаю для богатых научными сведениями исторических работ Кроче, особенно для его «Storiografia italiana».³⁹ Риторический национализм ученых вроде Сольми интересен лишь как психологический *indicium*.⁴⁰ Его построения — это огромный шаг назад, его воспроизведения античного Рима выдуманы. Я буду Вам очень благодарен, если при случае Вы сможете указать книги или авторов, достойных внимания.

С искренним уважением
Сердечно Вам преданный
Э. Р. Курциус

11. В. И. Иванов — Э. Р. Курциусу

<конец июля 1934 года>

Павия

Уважаемый и дорогой друг,

И снова стучусь я в Вашу дверь, смиренно, с сокрушенным сердцем... Чувство благодарности во мне стыдится слов, которые бы дали ему достойное выражение. Дружественное Ваше приветствие в «Convegno» — самое духовное, самое утешительное из всех. В предпосланном эпиграфе я, радостно потрясенный, распознал скрытый закон моего существования или — нагляднее, истиннее — одно из тех незримых солнц, к которым всегда тянулось из глубины ночи, расцветая, мое сердце.⁴¹ И вновь поражаюсь Вашему дару прозрения. Но разве и Ваш гуманизм не следует за звездой мистического *supervestiri*?⁴² Не это ли истинный *vinculum*,⁴³ соединяющий нас в благодати?

Если так, то Вы от всего сердца простите мне, что после того, как Вы столь самоотверженно и щедро исполнили мою настойчивую просьбу о Вашем благословении, я отложил выражение своей благодарности вплоть до сегодняшнего дня, поскольку лишь теперь я нахожу те душевные слова, которые достойны Ваших глубоких тем. Сердечная потребность моя — в том, чтобы довести до Вас хотя бы нечто в ответ на Ваш великий, на Ваш неисчерпаемый даже вопрос — он же и весьма желанный для меня в качестве повода для суровой самопроверки: как же могло совершиться, что я, в ком Вы по праву видите наследника духа Востока,

укорененного в душевном мире моего народа, всё же своим присоединением высказался в пользу Запада — в споре двух жизненных форм церковного предания. Не в очевидном ли противоречии находится всё это со всем моим анамнесисом, с моей «отпечатлевшейся формой»?⁴⁴ Ведь это и есть та апория, на которую указываете Вы словами: «Трудность разумения заключена для меня в том, что Вы — подлинно русский, славянин — всё же признаете церковный примат Запада», а чуть позднее Вы писали мне о том же: «Ваше письмо Дю Босу я, конечно, читал неоднократно, и всё же оно не дало мне полной ясности. Однако не следует хотеть понимать всё». Я со своей стороны хотел бы, чтобы Вы понимали меня во всём. И всё же есть, наверное, средство лучшее, нежели сразу говорить о самом трудном для понимания, то есть о посвящениях, что уже почти вошло в обычай между нами... Итак, вновь об ἐλενδύσασθαι.⁴⁵

В. Иванов

12. В. И. Иванов — Э. Р. Курциусу

9 февраля 1935, Рим

Посылаю Вам лишь немногие слова самой сердечной и глубокой благодарности, дорогой господин профессор, впредь до новой радости лично разговаривать с Вами, что обещает мне на ближайшее будущее Ваша досточтимая супруга, которую все мы сердечно полюбили, — слова благодарности за великолепный подарок — три Ваших произведения,⁴⁶ за высокое наслаждение, которое в таком изобилии доставляете Вы, мыслитель и стилист, мне, восприимчивому читателю, — благодарности за великодушие, решительные и исполненные любви действия, предпринятые в помощь мне и увенчавшиеся чудесным успехом. Думая о том, сколь бесконечно многим я обязан дружбе с Вами, всякий раз чувствую себя бесконечно тронутым.⁴⁷

Благодарно чтящий и сердечно преданный Вам
Вяч. Иванов

13. Э. Р. Курциус — В. И. Иванову

7 апреля 1935 года

Бонн

Дорогой и высокочтимый друг!

К сожалению, моя жена и я были вынуждены ускорить отъезд наш с Капри. Мы провели в Риме всего одну ночь, и тут, к своему величайшему сожалению, не было никакой возможности посетить Вас. С Капри

я еще раз написал госпоже Сарфатти,⁴⁸ но больше ничего уже о ней не слышал. Как жили Вы всё это время? С тех пор, как я удостоился личного знакомства с Вами, Вы постоянно присутствуете в моем внутреннем царстве духа, и я болезненно воспринимаю ограничения нашего существования во времени и пространстве, разделяющего нас с самыми духовно близкими людьми. Однако не буду жаловаться, а благодарный, восхваляю Бога, который привел меня к Вам. Ибо наши беседы убедили меня в том, что и в наше время есть еще люди, ищущие πλήρωμα τοῦ Χριστοῦ.⁴⁹ Изведать такое хотя бы в форме предощущения — тоже благодатно.

Прилагаю небольшую библиографию символизма. Правда, в большинстве этих книг Вы найдете только анекдотический и прагматический материал. Историческую картину лучше всех дает Реймон.⁵⁰ Однако, как я полагаю, Вы лишь кратко коснетесь так называемого «символизма» 80-х и 90-х годов. Ведь Ваша настоящая тема — это вечный символизм, для которого Данте и Гёте намного важнее Малларме и его современников. Ведь этот символизм конца XIX столетия — лишь несовершенная попытка восстановления духовного начала поэзии. Под таким углом зрения самым значительным представителем французского символизма кажется мне Вилье де Лиль-Адам, хотя он пишет прозой. У Вас, русского космополита, преимущество — Вы видите вещи с птичьего полета, а, следовательно, в верной перспективе.

Моя жена кланяется всем вам. Она полна благодарности за сердечный прием. Я от души присоединяюсь к ее чувствам.

Почтительно преданный Вам
Э. Р. Курциус

14. Э. Р. Курциус — В. И. Иванову

6 января 1936, Бонн

Глубокоуважаемый друг,

с сердечной благодарностью отвечаем на Ваши дружеские поздравления. С тоской вспоминаем праздники в Риме год назад, когда нам было дано познакомиться с Вами лично. Теперь мы остаемся на мрачном севере и скучаем по римскому небу. А Вы переселились на *via Gregoriana*. Это одна из любимых моих улиц в Риме. Сколько раз бывал я в *Bibliotheca Hertziana*.⁵¹ Несомненно, Вы тоже часто и с удовольствием там работаете. А потом Вы направляетесь к *villa Medici* и ее прекрасному парку, выходите на *Pincio* и чувствуете при этом вечную гармонию Рима. Рад был бы узнать подробнее, как Вы живете, какие Ваши планы. Постараюсь в ближайшем будущем раздобыть «Корону» за 1935 г. в надежде найти там что-либо Ваше.⁵² Вы знаете, что духовная и личная встреча с Вами

остаётся одним из самых счастливых событий в моей жизни, самых утешительных, и что я вижу в ней перст судьбы. С сердечным приветом Вам, Вашей дочери и О. А. Шор.

Преданный Вам
Э. Р. Курциус

15. Э. Р. Курциус — В. И. Иванову

21 декабря 1940 года

Дорогой, высокочтимый друг!

Ваш привет был для меня большой радостью, ибо снова завязывается наше *vinculum amoris*. Думать о Вас, о том, что Вы создали, о Вашей вести миру возвышает мой дух и доставляет мне более чем когда-либо глубокое счастье. В этом я снова уверился, читая Вашего замечательного поэтического «Тантала».⁵³

Вы живете теперь недалеко от моего дорогого Св. Саввы!⁵⁴ Он принадлежит к почти забытым в наше время святым раннего восточного христианства, следы которого я с такой любовью прослеживал в Риме. Да будет мне дано вновь увидеть Вас там!

Самые сердечные рождественские пожелания Вам и всем Вашим от нас обоих!

Преданный Вам
Э. Р. Курциус

16. Э. Р. Курциус — В. И. Иванову

19.4.48

Дорогой, высокочтимый учитель!

От г. Штейнера⁵⁵ я получил, к величайшей моей радости, добрые вести о Вас. В течение этого страшного десятилетия мы потеряли друг друга. Но тонкие нити духовного родства ищут сраститься вновь.

Вы знаете, что значило в моей жизни знакомство с Вашими произведениями, а потом и с Вами. Незабвенны наши встречи в Риме, куда Вы, как новый Виссарион,⁵⁶ — принесли аромат Восточной Церкви. Часто моя жена и я мысленно навещаем Вас и Ваших.

Мы благополучно пережили войну. Теперь подымается тень Третьей войны. Но мы верны нашей вечной надежде: *ζωή αἰώνιος*.⁵⁷

С почтением и любовью
Ваш
Э. Р. Курциус

17. Э. Р. Курциус — В. И. Иванову

27 июля 49

Глубокоуважаемый, дорогой друг!

С сокрушением вижу я, что уже полгода прошло с тех пор, как я получил Ваше глубоко меня волнующее письмо.⁵⁸ Поглощенный суетой ежедневной работы, я не сумел найти ту внутреннюю сосредоточенность, которая мне нужна, чтобы писать именно Вам, другу и учителю, с коим я осознаю себя внутренне связанным общим предчувствием вечных реальностей. И по сей час нет у меня такой сосредоточенности, ибо мне нужно готовиться к шестимесячному путешествию в Америку.⁵⁹ Но знак благодарности и памяти я не могу не послать Вам до отъезда. Ваше письмо всё время лежало передо мной как действенный талисман: послание из высших сфер, к которым Вы настолько ближе, чем я. Что Вы сочли меня достойным Вашей дружбы и Вашего письма, утешает меня, наполняет надеждой, поднимает над повседневными заботами, в которых держит нас *vita activa*.⁶⁰ Посланием из высокого и торжественного мира духов предстала мне Ваша поэма «L'UOMO», стройная песнь о тайнах бытия человека.⁶¹ Правда, я не осмеливаюсь думать, что разгадал ее тайнопись, но чувствую, что она, эта тайнопись, звучит во мне, и я уверен, что со временем она проявится и откроет мне свой смысл.

«Итак, купай, ученик, без боязни земную грудь в красной зоре восходящего солнца».⁶² Стихи эти выражают мое отношение к Вашим творениям.

Я не сумел выразить в этом письме того, что хотел Вам сказать. Но Вы почувствовали, быть может, с каким глубоким восхищением и с какой любовью я думаю о Вас. То, что мне дано было встретиться с Вами, я считаю благодатным промыслом Божиим.

Благодарный и почитающий Вас
Э. Р. Курциус

Примечания

¹ См. письмо Шарля Дю Боса к Иванову от 23 декабря 1931 г.: «Книга уже начинает оказывать воздействие, — причем воздействие вполне благотворное. Один из моих лучших друзей — может быть, Вам известны его труды, и, во всяком случае, Вы знаете его имя: Эрнст Роберт Курциус, величайший немецкий специалист по романской филологии и культуре, — недавно написал мне следующие строки, которые мне приятно Вам передать: “Если по воле случая Вы читали мою статью в *Nouvelle Revue Française* от 1-го декабря, Вы поймете *страстный* интерес, с которым я только что прочитал *Переписку из двух углов*. Она вызвала во мне столь своеобразное чувство, рождающееся всякий раз, когда наш разум сосредоточен на каком-то

вопросе, а «случай» дарит материал, касающийся как раз этого самого вопроса, или этой же мысли, или этой же личности. Тогда пробуждается некая радость *встреч*, полнота озарения. К ним присоединяется уверенность в том, что всё приходит вовремя к тому, кто умеет понимать. Не правда ли, любопытно: ведь я мог прочесть этот диалог по-немецки несколько лет тому назад, поскольку *Die Kreatur* издавался моим зятем В. фон Вайцзеккером? Но в ту пору я еще не был готов, не был я готов и тогда, когда Вы заговорили со мной об этой публикации в своей квартире в Версале. Тем более я счастлив сейчас разделить с Вами в очередной раз восхищение. В русской культуре я всегда особо высоко ценил восточный, профильтрованный через Византию, эллинизм, настолько отличный от нашего (либо классического, либо возрожденческого). Я обнаруживаю его следы у Иванова: через Платона он углубляется еще дальше в прошлое, достигая Саиса (в этом сходится он с нашим дорогим Новалисом). Он сумел раскрыть орфизм Гёте. Он учит нас доктрине о памяти, которая соединяется с неизвестно какими таинствами. Восхитительный поэт и мистик! Он завоевывает симпатию будто по волшебству. Как я признателен Вам за то, что Вы открыли его для меня». Есть в этой оценке столь прекрасный сплав проницательности и изысканности, что, рискуя слегка отступить от подобающей частному письму конфиденциальности, мне захотелось Вас с ним ознакомить. Впрочем, в своем ответе Курциусу я упомяну этот факт и посоветую ему лично написать Вам. В какое-то мгновение — он шел тогда впереди, воодушевляя меня своим примером — он вплотную, причем за год до меня, приблизился к Истине, к той нашей Истине, однако в последующие годы он напротив отклонился в сторону, и «страстный интерес», выраженный по отношению к Вашему вкладу в *Переписку*, стал для меня первым признаком сближения, случившегося благодаря Вам. В настоящее время Курциус бесспорно является в Европе одним из тех, у кого есть самое незыблемое чувство *тезауруса* и его ценности, но по складу характера он обидчив, его задевает и даже отталкивает любой пустяк, он принадлежит к людям, которые будут оберегать в себе скорее нечто слабое, чем нечто сильное: в его движении ему можно помочь, только если у него не возникнет ни малейшего подозрения, что ему помогают, помочь путем совершенно окольным, и именно поэтому Ваше воздействие было для него столь благотворным. Считаю своим долгом довести всё это до Вашего сведения на тот случай, если будущее подарит вам возможность переписываться» (*Julia Zarankin and Michael Wachtel. The Correspondence of Viacheslav Ivanov and Charles Du Bos // Русско-итальянский архив. Salerno, 2001. III. С. 524. Письмо Дю Боса написано по-французски; благодарим Наталью Гамалову за перевод*).

² Имеется в виду книга: *Curtius E. R. Deutscher Geist in Gefahr. Stuttgart, 1932.*

³ Речь идет об отдельном издании: *Vjatscheslav Iwanov. Klüfte: Über die Krisis des Humanismus: Zur Morphologie der zeitgenössischen Kultur und der Psychologie der Gegenwart / Aus dem Russischen übersetzt von Wolfgang E. Groeger. Berlin : Verlag Skythen, [1922].*

⁴ *Wjatscheslaw Iwanow. Dostojewskij. Tragödie — Mythos — Mystik / Autorisierte Übersetzung von Alexander Kresling. Tübingen: Verlag von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1932.*

⁵ Немецкое издание статьи Иванова: *Die russische Idee / Übersetzt und mit einer Einleitung versehen von J. Schor*. Tübingen: Verlag von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1930.

⁶ В 1931 г. кн. Д. П. Святополк-Мирский (1890–1939) вступил в компартию Великобритании. Курциус мог знать статью кн. Святополк-Мирского «Why I Became a Marxist» (*Daily Worker*. 1931. 30 June. N. 462).

⁷ «Целою сохранится сила его, если обратится в землю» (*лат.*) — так переводил эту фразу Иванов в 7-й главе своей статьи «О русской идее», где цитирует эти слова. Первоначально они служили эпиграфом, а позже стали заглавием стихотворения Вл. Соловьева. Соловьев пользуется этой цитатой в своей книге «Оправдание добра» и переводит ее так: «Сила его (будет) цела, когда обратится в землю». Данная цитата взята из сочинения Гермеса Трисмегиста «*Tabula smaragdina*» («Изумрудная скрижаль»).

⁸ «Золотая ветвь» («Энеида» Вергилия, VI, 187–188) — слова из эпиграфа к последней главе книги Курциуса.

⁹ «Если сломана ветвь, сразу другая вырастает, золотая, как первая, и новый побег цветет из того же металла» («Энеида», VI, 143–144).

¹⁰ *Curtius*. *Deutscher Geist in Gefahr*. S. 122.

¹¹ Ср. первоначальный русский текст: «Гуманизм всецело основан на изживании индивидуации, отдельности и обособленности людей, их взаимной зарубежности, потусторонности и непроницаемости, — “автаркии” гармонического человека. Эта внутренняя форма сознания изжила себя самое. <...> Героический гуманизм умер. Мы ведем бой, как в былях Гомера, за тело героя, уже бездыханного, чтобы не отняли его у нас и не предали поруганию одичалые полчища бесноватых, чтобы нам досталось умастить его, и оплакать, и похоронить, и великолепно восславить на грядущих тризнах... Впрочем, я говорю только о гуманизме, который смертен, а не о душе эллинства, она же бессмертна. И недаром еще так недавно она явилась нам в сновидении отделенною от своей благолепной, но тленной формы: Дионисом приснилась она вдохновенному Ницше, этому последнему и трагическому гуманисту, преодолевшему в себе гуманизм хитрым безумием и самоубийственным исступлением, как налагает на себя руки обуянный Аянт, — отвергшему и презревшему человеческую норму, как “человеческое, слишком человеческое”, и возвестившему “Сверхчеловека”. Ибо противится гуманизму Дионис и натравливает на него своих мэнад, как на Пентея» (*Вячеслав Иванов*. *Собрание сочинений*. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 377).

¹² Имеется в виду статья «*Vergils Historiosophie*» // *Corona*. 1931. Heft VI. S. 761–774.

¹³ Этот отзыв С. Булгакова в письменном виде неизвестен. Ср.: *Иванова Л.* *Воспоминания: Книга об отце*. М., 1992. С. 207–208.

¹⁴ «Вечное Евангелие» (*лат.*).

¹⁵ По всей видимости, Курциус послал Иванову статью «Хорхе Манрике и императорская идея», оттиск которой хранится в Римском архиве Иванова (*Zeitschrift für romanische Philologie*. 1932. Vol. IV). На оттиске имеется дарственная надпись: «Профессору Иванову первый знак благодарности». Среди статей, подаренных Курциусу, был, вероятно, доклад Иванова, нахо-

дящийся в архиве Курциуса в Боннском университете: «Il lauro nella poesia del Petrarca. Annali della Cattedra Petrarquesca» (1932. Vol. IV). На оттиске — дарственная надпись: «Глубокоуважаемому господину профессору Э. Р. Курциусу на добрую память».

¹⁶ Имеется в виду кн.: *Venceslao Ivanov e M. O. Ghercenson. Corrispondenza da un angolo all'altro / Traduzione dal russo di Olga Resnevic. 1932.*

¹⁷ 30 января 1933 года рейхспрезидент П. Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером. 27 февраля пожар разрушил здание Рейхстага. 14 июня национал-социалистическая партия была провозглашена единственной политической партией Германии.

¹⁸ Германист Алессандро Пеллегрини (1897—1985) редактировал номер миланского журнала «*Convegno*», посвященный творчеству Иванова. Журнал вышел в свет в середине апреля 1934 г. (хотя на обложке обозначено 25 января 1934 г.).

¹⁹ Дж. Тоффанин (*Toffanin Giuseppe*; 1891—1980), крупнейший итальянский историк литературы и писатель. В основе концепции его классической «Истории гуманизма» («*Storia dell'umanesimo*», 1933) лежит парадоксальное, с точки зрения традиции секуляризованной европейской мысли, утверждение: гуманизм писателей и мыслителей XIV—XVII вв. представляет собой высшее раскрытие идеалов римского католицизма, а кризис гуманизма в новейшую эпоху вызван нарастающим забвением этой родовой связи.

²⁰ Достаточно для укрепления дружбы взаимное признание добродетели — это сильнейший толчок для рождения звена любви между друзьями, отдаленными друг от друга или никогда друг друга не видевших (*лат.*). *Toffanin. «Storia dell'umanesimo».* 1933. P. 71.

²¹ Связь дружбы между друзьями отсутствующими или никогда друг друга не видевшими (*лат.*).

²² Особенно когда возникает естественное созвучие и согласие духа среди друзей, разделенных пространством и в духе единых (*лат.*).

²³ Землей вдохновенного (*грек.*).

²⁴ В оригинале: «definiert und diviniert».

²⁵ Имеется в виду статья «*Humanismus und Religion: Zum religionsgeschichtlichen Nachlass von Wilamowitz*», которая вышла в журнале «*Nochland*» (1933/1934. P. 307—330). В переводе К. Ю. Лаппо-Данилевского: «Заслуга Эрнста Роберта Курциуса (“Немецкий дух в опасности”) состоит в том, что он недавно с силой и с глубоким знанием дела напомнил, что гуманизм — это гораздо более широкое и глубокое понятие, чем то, как его обычно понимают, ибо гуманизм не может быть подчинен науке и не может быть привязан к одному из своих исторических проявлений; что гуманизм нуждается в религиозном обосновании, чтобы ожить как действенная сила; что, наконец, это обоснование с самого начала определено истоками европейской культуры, возникшей из сплава античного духовного наследия с христианством, почему возникновение нового гуманистического самосознания следует полагать там, где оба течения сливаются» (*Вячеслав Иванов. Гуманизм и религия: О религиозно-историческом наследии Вилламовица / Пер. с нем., коммент. и послесл. К. Лаппо-Данилевского // Символ. 2008. № 53/54. С. 191—192.*)

- ²⁶ Другу (*лат.*).
- ²⁷ О каком студенте пишет Иванов, не удалось установить.
- ²⁸ «Увы! Крыльям духа нелегко будет присоединиться к крылу телесному» (*нем.*). — «Фауст», I, стих 1090.
- ²⁹ набросок (*итал.*).
- ³⁰ Буквально: «Как человек приближается к вечному; как становится вечным человек» (*Данте*. Божественная комедия. Ад. 15: 85).
- ³¹ «Не хотим совлечься, но облечься» (*лат.*). — 2 Кор. 5: 4.
- ³² Курциус имеет в виду первую часть книги Вяч. Иванова о Достоевском («Роман-трагедия») и статью «Гоголь и Аристофан» (Сорона. 1932/1933. IV).
- ³³ В молодости Курциус был поклонником Стефана Георге. О его отношении к поэту см.: *Wellek R. Ernst Robert Curtius als Literaturkritiker // Wolf-Dieter Lange* (Hg.) *Französische Literatur des XX Jahrhunderts: Zur Erinnerung an Ernst Robert Curtius*. Bonn, 1986. S. 12–15.
- ³⁴ Духовном разуме (*лат.*).
- ³⁵ Совершенному человеку (*лат.*).
- ³⁶ Курциус имеет здесь в виду пассаж из статьи Вяч. Иванова «О русской идее»: «Агриппа Неттесгеймский учил, что 1900 год будет одним из великих исторических рубежей, началом нового вселенского периода... Едва ли кто знал в нашем обществе об этих исчислениях старинных чернокожников...» (*Вячеслав Иванов*. Собрание сочинений. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 322). В своей статье Курциус пишет об Агриппе, называя его Парацельсом (ок. 1493–1541); в итальянском переводе, появившемся в «Convegno», ошибка исправлена.
- ³⁷ Железное поколение (*лат.*). «Adamantina proles» — название 3-й части поэтического цикла Вяч. Иванова «Carmen Saeculare» (1904).
- ³⁸ Связь любви (*лат.*).
- ³⁹ *Benedetto Croce*. *Storia della storiografia italiana nel secolo decimonono*. Bari, 1921.
- ⁴⁰ Симптом (*лат.*).
- ⁴¹ Ср. стихотворение Вяч. Иванова в «Кормчих Звездах» (1903) «Вечные Дары»: «Пасомы Целями родимыми, / К ним с трепетом влечемся мы — / И, как под солнцами незримыми, / Навстречу им цветом из тьмы» (I, 568).
- ⁴² Облечься (*лат.*).
- ⁴³ Связь (*лат.*).
- ⁴⁴ Из стихотворения Гёте («Δαίμων, Демон»): «Запечатленная форма, которая раскрывается в самом процессе своей жизни».
- ⁴⁵ Облечься (*грек.*).
- ⁴⁶ В январе 1935 г. Курциус послал Иванову свои книги «Бальзак», «Французский дух в новой Европе» и «Французская культура: Введение» («Balzac», «Französischer Geist im neuen Europa», «Die französische Kultur: Eine Einführung»).

⁴⁷ Скорее всего, речь идет о попытках Курциуса найти Иванову работу в немецкой печати. В римском архиве хранится письмо от 11 июня 1935 г. от ученика Курциуса Г. Р. Хоке (Gustav René Hocke), где говорится о соглашении Иванова писать статьи на культурные темы для газеты «Kölnische Zeitung». Из этих намерений, насколько нам известно, ничего не вышло.

⁴⁸ Маргарита Сарфатти (1880–1961) — писательница, журналистка; перед началом Первой мировой войны была светской дамой из высшего общества Милана, куда в то время из провинциального городка приехал молодой социалистический лидер Бенито Муссолини. Они влюбились друг в друга, и сын бедного слесаря многому научился от светской подруги. Муссолини скоро превратился в вождя фашизма. Маргарита Сарфатти написала о нем книгу — «Дух» (1926), которая имела большой успех и была переведена на многие языки. Когда Муссолини под влиянием Гитлера начал вводить в Италии антисемитские законы, Маргарита Сарфатти, еврейка по происхождению, эмигрировала в США и вернулась в освобожденную Италию после войны.

⁴⁹ Полноты Христа (*през.*).

⁵⁰ Имеется в виду кн.: Marcel Raymond. De Baudelaire au surréalisme: Essai sur le mouvement poétique. Paris, 1933.

⁵¹ Немецкая библиотека в Риме, где собраны книги по истории искусства.

⁵² В 1935 г. в «Короне» вышли три статьи Вяч. Иванова: «Древний ужас», «Апипа» и «Письмо к Шарлю Дю Босу» (немецкий перевод французского оригинала).

⁵³ Трагедию Вяч. Иванова «Тантал» в 1908 г. перевел немецкий поэт и переводчик Генри фон Гейселер (1875–1928). Впервые перевод был опубликован в 1940 г. благодаря усилиям сына Гейселера. Этот перевод в классических ритмах оригинала Вяч. Иванов ценил очень высоко.

⁵⁴ Имеется в виду Базилика Св. Саввы Освященного, приходская церковь на Авентинском холме, куда на Via Leon Battista Alberti, 25 переселился Вяч. Иванов.

⁵⁵ Герберт Штейнер (1892–1966) был редактором швейцарского журнала «Сокопа» и другом семьи Иванова.

⁵⁶ Имеется в виду сторонник соединения католической и православной церквей греческий гуманист кардинал Виссарион (1403?–1472), который последнюю часть своей жизни прожил в Италии.

⁵⁷ Жизни вечной (*през.*).

⁵⁸ Это письмо Иванова пока не найдено.

⁵⁹ С августа 1949 г. Курциус провел четыре месяца в Принстоне, Нью-Джерси, и два месяца в разъездах.

⁶⁰ Действенной жизни (*лат.*).

⁶¹ Речь идет о поэме Вяч. Иванова «Человек», переведенной на итальянский Ринальдо Кюфферле и опубликованной в 1946 г. в Милане.

⁶² «Фауст», I, стихи 445–446.